

ЭНАНТИОСЕМИЯ КАК СПОСОБ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА

© 2009 И.В.Садчикова

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 27.07.2009

Рассмотрена сущность энантиосемии на примере иронического и саркастического употребления оценочных слов. Определяются пути смены оценочного знака в направлении пейорации и мелиорации. Приводятся случаи употребления бранных слов в ласкательном значении.

Ключевые слова: энантиосемия, стилистическая маркированность, оксюморон, ироническая двуплановость, вербальная ирония, ситуативная ирония, ласкательные какофемизмы, десигнаторы.

В процессе изменения значения слова нередки случаи синхронного сосуществования двух противоположных значений в пределах семантики одного и того же слова. Это явление известно под названиями «энантиосемия», «внутренняя антонимия» или «омоантонимия». Энантиосемия – это окказиональная мелиорация пейоративов и пейорация мелиоративов (от греч. *En* – «в», *anti* – «против», *sema* – «знак»). Развитие полярных семантических оттенков в слове – явление очень древнее в языке, получившее развитие на различных языковых уровнях: лексическом, словообразовательном и др., поскольку противоположность значений может развиваться в слове как независимо от его словообразовательной и грамматической структуры, так и под воздействием отдельных аффиксов. Энантиосемия чаще всего является результатом семантического переосмысления слова, изменения его эмоциональной окраски в индивидуальном словоупотреблении. Вот почему она широко представлена в разговорной речи, просторечии, жаргонах и т.д. Оценка входит в значение слова, образует оценочную сему в оценочных (мелиоративных, пейоративных) лексических единицах¹.

В.В.Виноградов писал, что «оценочность – не просто оттенок в лексическом значении слова, а возможный компонент его семантической структуры, причем такой компонент, который может модифицировать значение слова, ему и принадлежит творческая роль в изменении значения»². В случаях энантиосемии тот или иной знак оценки под влиянием контекста меняется на противоположный, т.е. смена оценочного знака происходит как в направлении пейорации, так и мелиорации.

В языке функционируют такие лексемы, которые, будучи нейтральными в словоупотреблении или явившись результатом семантического переосмысления (при обладании положительной коннотацией), способ-

ны приобрести противоположное значение, называя кого-то или что-то с отрицательной оценкой. Чаще всего одно из значений слова стилистически маркировано и сопровождается в словарных статьях соответствующей пометой. Например: *Kopf* (*umg.*) «kluger, vernünftiger Mensch» и *Kopf* (*ironisch*) «begriffsstutziger, nicht scharfsinniger Mensch»³. Приведенная стилистическая маркированность одной из энантиосем вызывает отсутствие регулярного противопоставления подобных слов в языке или их обязательного совместного употребления в антонимичных контекстах. Подобную энантиосемию можно назвать эмоционально-оценочной, поскольку она базируется на способности слова к выражению полярных оценок, на эмоциональной окраске слова, которая легко превращается из положительной в отрицательную и наоборот.

Энантиосемия в виде пейорации мелиоративов также встречается в оксюморонах: *kleiner Mann* (пейорация достигается посредством пейоративного прилагательного в сочетании с нейтральным существительным), *Teufelprinz*, *Teufelsgentleman* (пейоративность заключается в первом компоненте слова). В оксюморонах противоречивость прослеживается в сочетании противоположных по семантике слов, в отличие от энантиосемии отдельных существительных и прилагательных. Таким образом, эти явления смежные, но не тождественные. В устной речи модификация оценочного знака достигается особой интонацией – интонацией восхищения или интонацией сарказма.

Иногда об энантиосемии говорят в связи с ироническими употреблениями оценочных слов, например, *Reizend!* или *Prima!* в смысле «очень плохо». Термин «ирония» допускает несколько толкований. Ирония – понятие емкое и «многослойное». Бесконечное многообразие жизненных ситуаций и отношений людей, многогранность духовного мира человека – все это обуславливает широкий диапазон действия иронии. Разговорная бытовая речь – естественная «первичная» стихия иронии, именно в ней – истоки любых сложных ее форм. Естественно, что неизмеримо богаче сфера

⁰ Садчикова Ирина Валерьевна, ассистент кафедры иностранных языков, аспирант. E-mail: swabra@rambler.ru

¹ Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах. – М.: 1979.

² Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.: 1972.

³ Wahrig G. Deutsches Wörterbuch in sechs Bänden. – Stuttgart: F.A.Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. – Bd. V. – 764 S.

действия иронии в художественной литературе, публицистике, в стиле литературного произведения⁴. Ирония в стиле литературного произведения – это, прежде всего, ирония в авторской речи, во всех ее формах, связанных с «образом автора». Ирония в прямой речи литературных персонажей является «двуликой», так как на иронию персонажа наслаивается авторская ирония. Необходимый элемент иронии – стремление скрыть истинный смысл сказанного, но скрыть так, чтобы об этом можно было догадаться. Вообще в психологической природе комического непременно содержится какой-то элемент «обмана». В частности, для шуток, острогты характерен мгновенный «обман».

Немецкий лингвист Руди Келлер в своей книге «О невидимой руке в языке», изданной в 1998 году, выдвинул гипотезу о том, что язык возник как необходимость воздействовать на слушателя, обмануть его. Он привёл пример со слабой обезьяной, которая издавала необычный крик. Её сородичи пугались и убегали, а она свободно захватывала добычу. Данный пример свидетельствует о том, что уже в древности присутствовал элемент обмана слушателя⁵. Для иронии характерно не просто несоответствие, а противоположность между тем, что говорится и тем, что подразумевается.

А.Н.Лук заметил, что «ирония заключается в том, что человек говорит нечто противоположное тому, что на самом деле думает, однако слушателям и читателям дается возможность – намек смысловой или интонационный – понять, что же именно на самом деле думает автор»⁶. Ирония обладает двуплановостью и противоположностью. Форма иронической двуплановости чаще всего проявляется в узких контекстах.

Student: Ich habe alles, was ich kenne, Ihnen zu verdanken.

Professor: Oh! Es lohnt sich nicht, von diesen Nichtigkeiten zu reden.

Реплика профессора воспринимается одновременно и как обычная форма вежливости и как остроумный намек на пустячные знания студента. Понятие «противоположности» раскрывается в простейшем приеме, который носит название антифразы, то есть когда имеются антонимы типа: ja – nein, gut – schlecht, Glück – Unglück. Однако семантика слова нередко слишком сложна, чтобы уложиться в схемы строго логических антитез. Возьмем простейшие примеры. Если в ироническом употреблении слова «tapfer» более или менее отчетливо проступает значение «трусливый», то, скажем, слово «klug» в ироническом смысле лишь приблизительно соответствует значению «глупый, глупец». Поэтому, говоря об иронической противоположности, следует предпочесть формулу «нечто противоположное» или даже «нечто совсем иное». Понятие иронии применяется настолько широко, что английский исследователь Д.К.Мюк в своей книге, посвя-

щенной этому вопросу, считает нужным отделить ситуативную иронию, где сама совокупность обстоятельств или событий производит иронический эффект, от вербальной, предполагающей иронизирующего говорящего. Нас будет интересовать только вербальная ирония⁷.

Несколько видов вербальной иронии (по Д.К.Мюку): 1) Восхваление желательных качеств, которых в действительности нет, например, «Sieh mal, wie klug er ist!». 2) Обличение нежелательных качеств, которых в действительности нет, например, «Haben Sie Jokonda gesehen? – Der Blick ist sinnlos, das Lächeln – sauer; es ist ekelhaft anzusehen!». 3) Обличение желательных качеств или недовольство отсутствием нежелательных, например, «In der griechischen Architektur wahrt man richtige Proportionen, spart man Marmor nicht – aber so ein Ding wird 1000 Jahre stehen – wird zum Sterben überdrüssig sein!». 4) Согласие, например, «Ja, natürlich! Mein ganzes Leben wollte ich hier arbeiten!». 5) Совет или одобрение, например, «Los, los, fahre fort! Und wir hören zu!». 6) Риторический вопрос, например, «Was hilft's?». 7) Страх или невежество, например, «Ich habe so einen Schreck bekommen!» «Du sagst, Schiller? Und wer ist das?».

Приведенные примеры демонстрируют, что основным признаком иронического высказывания является особая интонация, указывающая на то, как слушатель должен понимать сказанное. В иной ситуации то же самое высказывание, лишённое иронической интонации, должно быть понято буквально. Высказывание, постоянно воспроизводящееся в ироническом значении, постепенно теряет свое прямое, буквальное значение и приобретает свойства однозначной фразеологической схемы, где ироническая интонация становится излишней и заменяется нейтральной⁸. «Das hätte gefehlt!» «Das wird dir viel nützen!» «Das hat er viel davon!» «Das hätte mir gepasst!»

До сих пор речь шла об иронии целого высказывания. Но ироническое употребление способно изменять до противоположного не только значение предложения или конструкции, но и значения отдельных слов. Некоторые слова приобретают противоположное значение лишь в определенной ситуации. Сами по себе они не содержат эмоционального элемента, он, как правило, отсутствует в семантической структуре этих слов, но при ироническом употреблении эти слова могут наполниться эмоциональным содержанием и превратиться в свою противоположность, то есть полярность значений является результатом семантического переосмысления слова, происходящего на речевом уровне. Это лишь одна из возможностей сдвига значений на речевом уровне. Говоря о развитии полярных семантических оттенков, необходимо иметь в виду, что это процесс общезыковой, он может быть резуль-

⁴ Щербина Е.В. О двуплановости и противоположности смысла в иронии // Филологические науки. – 1976. – № 2. – С. 23 – 31.

⁵ Keller R. Sprachwandel (Kritik) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rotterdam.de/inhalt.php?xz=rezi&id=6197> (дата обращения 29.02.2009).

⁶ Щербина Е.В. О двуплановости и противоположности смысла в иронии ...

⁷ Ирония как принцип художественного структуротворения [Электронный ресурс]. URL:

<http://disser.com.ua/contents/3887.html> (дата обращения: 27.03.2009).

⁸ Вопросы немецкой разговорной речи: Сб. науч. тр. – М.: 1974.

татом длительного функционирования слова в языке и связан с целым рядом условий его употребления. Поэтому энантиосемия часто носит разновременный характер, противоположные значения, генетически связанные с одним и тем же корнем, прослеживаются на разных этапах развития языка. При этом в семантике слова происходят постепенные изменения под влиянием собственно языковых и экстралингвистических факторов: это и природа чувств, способная по-разному окрашивать одни и те же понятия, это и крайнее проявление какого-либо качества, это и синтаксическое использование слова в предложении, это и изменение самой реалии, обозначенной тем или иным словом.

Часто ироническое значение полностью вытесняет из употребления исходное, которое забывается. Так случилось с немецким словом «einfältig». Исходное значение «einfach» еще сохранилось во фразеологически связанном: «heilige Einfalt». Во всех же прочих употреблениях значение слова приближается к «dumm». Существуют, тем не менее, слова, в которых исходное значение продолжает жить наряду с новым ироническим. Здесь возможны три случая:

1. Исходное значение слова – положительная оценка. Тогда смена положительного оценочного элемента на отрицательный означает возникновение значения, противоположного первоначальному. Этому способствует ироничная интонация и контекст. Так, «ein guter Kopf» имеет прямое, положительное значение «ein kluger Mensch» и ироническое: «Dummkopf»; «ein netter Herr» – «ein angenehmer Mensch» и «Schlingel»; «ein grosser Held» – «ein tapferer Mensch» и «Feigling». Сравним ещё: ich frage viel danach, ich kümmere viel darum. Что ироническое утверждение может быть воспринято совсем как отрицание, видно из одного примера у Хр.Ф. Вайссе: Es ist dem Junker viel um seinen Kammerdiener zu tun, sondern um sich – букв. «очень уж много дела юнкеру до своего камердинера, скорее – до себя», то есть «ему никакого нет дела до камердинера, он занят исключительно самим собой»⁹. Таким образом, в рассмотренных примерах возникновение иронического значения имеет своим результатом оценочную энантиосемию.

2. Положительная оценка не представляет собой основной компонент семантики слова, но входит на правах коннотации; *duften*: 1) einen Duft verbreiten: Rosen, Veilchen duften (lieblich, zart, süss); 2) spött. unangenehmen Geruch verbreiten. Der Käse, Knoblauch duftet. Примером развития двух противоположных оценочных значений на основе одного – оценочно нейтрального – могут служить уменьшительные суффиксы: «Der Kaiser trug seine scheinlose grüne Uniform und das kleine welthistorische Hüthen. Er ritt ein weisses Rösslein». «Ach, lieber Himmel, das arme Vieh ist jetzt tot,

die Tränensäckchen sind vertrocknet»¹⁰. Здесь выражена «малость + отрицательная оценка».

3. Еще один источник оценочной энантиосемии – ласкательные какофемизмы, то есть употребление бранных слов в положительном значении. Причины такого словоупотребления истолковывались лингвистами по-разному. Нироп считал психологическим основанием употребления бранных слов в ласкательном значении остатки страха перед «дурным глазом». Похвалить в лицо – значит «сглазить». Поэтому тот, кто желает добра человеку, непременно бранит его¹¹. Вундт замечает, что ругательства обладают большим экспрессивным зарядом, чем ласкательные слова. Поэтому в случае, когда необходимо сильное выражение, охотнее прибегают к бранным словам¹². Зюттерлин пишет, что основой для сильных выражений служит неопределенность чувства: с одной стороны, злость и зависть, а с другой – удивление и восхищение его способностями и мужеством¹³. Шпитцер полагает, что в случае с такими словами, как «Aas», «Luder», «Schelm», а также при переносе названий животных на людей мы имеем дело с так называемой «фиктивной бранью» – своеобразной игрой любящих. Так, слово Dreck, первоначально означавшее «экскременты», употребляется теперь для обозначения всякой грязи и в большинстве случаев уже совсем не имеет первоначального значения. Собственное значение ругательств может при этом уже больше не ощущаться, ср. Racker первоначально «живодёр», Luder, Schelm: оба слова первоначально означали «падаль». При этом значение таких слов нередко настолько смягчается, что может приобрести оттенок похвалы и лести, ср. Schelm «шельма», Schalk «плут [первоначально слуга, затем – простолоудин]», Luder в ряде диалектов, особенно в верхнесаксонском, – «плут»¹⁴. Трост объясняет «ласкательную брань» амбивалентностью чувств. Человек, вещь, состояние или действие могут быть одновременно любимыми и ненавистными, одновременно приниматься и отбрасываться.

Все эти наблюдения справедливы: 1) Действительно, иногда появление в семантике бранного слова ласкательного значения имеет те же причины, что и возникновение религиозных эвфемизмов. Например, в Силезии было принято называть красивого ребенка «Schweinehund» и «Schweinebraten», чтобы не «сглазить». 2) Бесспорно, бранные слова в ласкательном значении обладают большой экспрессией в силу необычности такого словоупотребления. 3) Справедливо и утверждение, что подобное употребление бранных слов коренится в неопределенности (по Зюттерлину) или амбивалентности (двойственности – по Тросту) человеческих чувств. Здесь же уместно вспомнить мысль М.М.Бахтина о том, что хвала и брань – две

¹⁰ Heine H. Ideen. Das Buch Le Grand: Werke und Briefe. – Berlin: 1961. – Bd. III. – 142 S.

¹¹ Вопросы немецкой разговорной речи...

¹² Там же. – С. 76.

¹³ Там же. – С. 77.

¹⁴ Прагматический аспект предложения и текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: 1990.

⁹ Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика: Сб. науч. тр. – Вып. 6 / Сост. Н.Д.Арутюнова, Е.В.Падучева. – М.: 1985.

стороны одной медали: «Хвала содержит в себе брань, чревата бранью, и обратно – брань чревата хвалой...»¹⁵.

В словаре Вариха бранное и ласкательное значения выделены в самостоятельные: *Lümmel*: 1) awb. umg. Flegel, ungezogener, frecher Mensch: «Er ist und bleibt ein Lümmel!»; 2) vertraul. «Das ist ein starker langer Lümmel geworden»; *Lump*: 1) umg. awb. nichtswürdiger Kerl, verkommener, unehrenhafter Mensch: «Ich habe ihn immer für einen Lump gehalten»; 2) vertraul. Schlingel, Schelm: «Wo warst du nur, du kleiner Lump?».

Сохраняя и в том, и в другом случае свой основной семантический компонент – сильный экспрессивный заряд, – значения противопоставляются друг другу по оценочной коннотации – положительный или отрицательный – и могут считаться одним из видов оценочной энантиосемии.

Итак, были рассмотрены три случая энантиосемии: в первом случае она возникала в результате регулярного иронического употребления исходного значения; во втором – речь шла о развитии двух противоположных значений на основе одного исходного; в третьем случае – о какофемистическом словоупотреблении. Но во всех случаях значения противопоставлены по оценочной коннотации. В условиях непринужденного неофициального общения практически любое слово языка может при соответствующем употреблении стать энантиосемичным – приобрести противоположную оценку. Для слов, содержащих оценочные элементы, также как и для слов, не содержащих оценочные элементы, противоположность оказывается сквозной категорией, действительной на уровне языка и речи. Для анализа слов, способных выражать противоположные оценки, нам понадобится понятие оценочных семантических компонентов. Ч.В.Моррис обратил внимание на знаки, выражающие оценку объектов или ситуаций. Такие знаки он назвал эпрейсорами. Они могут выражать эстетическую (*schön*), этическую (*gütig*) и нормативную (*richtig*) оценку действительности¹⁶.

Язык содержит ряд слов, которые выполняют оценочную функцию наряду с десигнативной – приписывать предмету некоторое качество. Десигнаторы отражают качество какого-либо объекта. Но качество всегда имеет количественную определенность. Различное количество одного и того же качества может быть по-разному оценено социально. Ср.: бережливый – скупой; смелый – наглый; умный – заумный; осторожный – трусливый. Слова в обеих колонках фиксируют, по сути, одно качество. Значения слов в правой колонке отличаются от значений слов в левой колонке только на компонент «сверх меры», но качества, выраженные словами слева, социально оцениваются как положительные, а словами справа – как отрицательные.

В языке существует понятие диалектического единства количества и качества. Такое отношение между значениями может развиваться в рамках одного

слова. Например, *gottselig* употреблялось раньше по отношению к набожным, богобоязненным людям. Это качество имело положительную социальную оценку: «...dass die Verstorbene, die doch ein solch *gottseliges* frommes Leben geführt, keine Ruheim Grabe habe»¹⁷. Со временем в семантике слова развились компоненты «сверх меры» и «напоказ», сопровождаемые отрицательной социальной оценкой: «Wenn man beim Pfarrer ein paar *gottselige* Redensarten mit unterlaufen lässt».

Исходное значение в современном языке устарело. Иногда положительная и отрицательная оценка заложена в семантике слова: *Betriebsamkeit* 1) «хорошо»: jmds. *Betriebsamkeit* und *Fleiss*; 2) «плохо»: er beherrschte ameisenhafte *Betriebsamkeit*¹⁸.

Кроме такой «асимметричной» оценочной противоположности, где два варианта отличаются друг от друга не только оценочными компонентами, но и тем, что один всегда сложнее другого на компонент «сверх меры», существует и «симметричная» оценочная противоположность.

Например, *alt* в обоих оценочных вариантах имеет основной компонент «долго существующий», но в одном случае схема «X ist alt» считается как «X существует долго, и говорящий считает, что это хорошо», а в другом – «X существует долго, и говорящий считает, что это плохо». 1) «хорошо»: ein altes Sprichwort, alte Liebe, alte Freundschaft; 2) «плохо»: das alte Lied, ein alter Witz, die alte Geschichte.

Смелость поведения в зависимости от условий социально оценивается положительно или отрицательно: *Keckheit* – 1) «плохо»: Er hatte die Keckheit, mir ins Wort zu fallen; 2) «хорошо»: eine furchtlose Keckheit; der Gegner griff mit beispielloser Keckheit an.

Raffiniert и его производные выражают высокую степень качества в обоих вариантах. Но в первом – высокую степень качества, социально оцениваемого положительно, а во втором – высокую степень качества, социально оцениваемого отрицательно. Ср. русск.: изысканный – изощренный: 1) «хорошо»: raffinierte Methoden, Sie ist raffiniert gekleidet, eine raffinierte Taktik; 2) «плохо»: ein raffiniertes Frauenzimmer, er ist ein raffinierter Hochstapler.

Впрочем, некоторые лингвисты предпочитают все же говорить о единственности значения слова. Однако И.Н.Горелов при этом справедливо оговаривается, что под единственностью значения следует все же понимать лишь единственность основного значения, что единственность здесь — не статистическая категория¹⁹. Укажем здесь группу слов, которые являются однозначными, но противоположность достигается только за счёт контекста. Это слова с общим значением «отплатить, воздать тем же». Например, *sich revanchieren*: 1) für deine Frechheit werde ich mich später revanchieren; 2) er revanchierte sich mit einer guten Zigarette, где можно увидеть противоположность: 1 – «каузировать зло в ответ на зло», 2 – «каузировать добро в ответ на добро».

Но против такого толкования говорит то, что компоненты «добро» и «зло» дважды повторяются в толковании, что не является необходимым, эти же смыслы

¹⁵ Вопросы немецкой разговорной речи...

¹⁶ Прагматический аспект предложения и текста...

реализуются другими средствами контекста. Более простым было бы толкование «X revanchiert sich bei Y» – «каузирует Y-у равноценное тому, что Y ранее каузировал X-у»²⁰.

Однозначны и глаголы со значением «узнать, испытать что-либо», у которых мнимая оценочная противоположность создается только за счет семантики сочетающихся лексем: *erfahren* 1) «зло»: viel Leid, Unrecht, Undank erfahren; 2) «добро»: ein grosses Glück, viel Liebe, Güte erfahren; *durchkosten* 1) «добро»: alle Freuden durchkosten; 2) «зло»: Jammer, Leid durchkosten.

Итак, оценочная противоположность в семантике десигнаторов возникает: 1) как следствие понятийного

сдвига в исходном значении; 2) как следствие развития двух оценочно-противоположных значений на основе нейтрального.

¹⁷ *Süskind P.* Das Parfum: die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag, 1994. – 320 S.

¹⁸ *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch in sechs Bänden. – Stuttgart: F.A.Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. – Bd. V. – 764 S.

¹⁹ *Горелов И.Н.* Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // *Вопр. языкознания.* – 1986. – № 4. – С. 86 – 96.

²⁰ *Прагматика слова: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Д.Девкин.* – М.: 1985.

ENANTIOSEMY AS A MEANS OF COMBINATION OF OPPOSITE EVALUATION COMPONENTS IN THE WORD MEANING

© 2009 I.V.Sadchikova^o

Orenburg state pedagogical university

The article examines the essence of enantiosemy through ironical and sarcastic use of evaluative words. The ways of the evaluative word change towards pejoration and melioration are outlined. The cases of hypocoristic use of swear words are reviewed.

Key words: enantiosemy, stylistic marking, oxymoron, ironical ambiguity, verbal irony, situational irony, hypocoristic cacophemisms, designators.

^o Sadchikova Irina Valerjevna, Assistant of the Foreign languages department, Postgraduate.
E-mail: swabra@rambler.ru